

Кидакова Дарья Юрьевна

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

(г. Могилев, Республика Беларусь)

aosja_mgu@mail.ru

СФЕРЫ УПОТРЕБЛЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПОЛИТКОРРЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются лексические и фразеологические средства реализации политической корректности в ведущих англоязычных медиа. На основе корпуса текстов 2023 и 2024 гг. выявляются и систематизируются сферы употребления таких единиц, анализируются их семантические механизмы и прагматические функции.

Ключевые слова: английский язык, политическая корректность, медиадискурс, лексика, фразеология

The article examines structural and thematic models of lexical and phraseological means of expressing political correctness in modern English-language media discourse. The differences at the lexico-semantic level in the structural and thematic models of political correctness means in various types of media texts are analyzed.

Keywords: English language, political correctness, media discourse, vocabulary, phraseology

Политкорректная лексика и фразеология в современном английском языке представляют собой важный объект лингвистического исследования, поскольку отражают динамику социальных изменений и эволюцию языковых норм. Понимание механизмов, стратегий и контекстов функционирования политкорректной лексики и фразеологии является сегодня необходимой профессиональной компетенцией в областях межкультурной коммуникации и лингвистического образования, в том числе преподавания английского языка как иностранного [1; 2].

Цель исследования – установить и описать основные лексические и фразеологические единицы как средства выражения политкорректности, а также определить сферы их использования в английском языке (на материале публицистики и новостных СМИ).

В результате исследования было установлено и систематизировано 115 лексических и фразеологических единиц, которые образуют устойчивый арсенал современного политкорректного дискурса в английском языке. Все языковые средства были выявлены в текстах, которые подразделяются на несколько тематических разделов, которые отражают ключевые области социальной чувствительности.

Этническая и расовая идентичность. Центральной стратегией является отказ от экзонимов в пользу аутонимов (самоназваний) и конкретизация описаний. Например, замена устаревшего и обобщающего *Eskimos* на конкретное *the Inuit* следует принципу лингвистического самоопределения. Коллективный

термин *minorities* замещается на ориентированный на сообщество *communities of color*, что смещает фокус с маргинальности на солидарность. Термин *illegal aliens*, стигматизирующий через акцент на нарушении закона, последовательно заменяется на нейтральный административный дескриптор *undocumented immigrants*, осуществляя дестигматизацию через семантический рефрейминг.

Гендерная идентичность и инклюзивность. Данная область характеризуется двумя ключевыми процессами: гендерной нейтрализацией и признанием небинарности. Универсальное понятие *mankind* заменяется на инклюзивное *humankind*. Профессиональные наименования стандартизируются через замену компонента *-man* на нейтральные *-officer* или *-fighter* (*police officer, firefighter*). Важнейшим грамматическим сдвигом является нормализация сингулярного *they* для референции к лицу неизвестного или небинарного. Стратегия десубстантивации препятствует реификации идентичности: вместо *a transgender* используется *a transgender person*, где идентичность представлена как атрибут.

Инвалидность и физические особенности. Доминирующей стратегией является Person-First Language (PFL), синтаксически выдвигающая понятие человека на первое место: *disabled person – person with a disability* (Wired, 30.07.2023). Происходит отказ от метафор ограничения (*wheelchair-bound*) в пользу нейтрального обозначения пользования вспомогательным средством (*wheelchair user – BBC News, 18.11.2023*). В описании ментальных состояний используется депатологизирующий язык: глагол *suffers from* заменяется на нейтральные *lives with* или *has*. Устаревшие и оскорбительные термины (*dwarf, midget, deaf and dumb*) замещаются на точные описательные или клинические формулировки (*person of short stature, Deaf and hard of hearing*).

Социально-экономический статус и криминалистика. Стратегия десубстантивации ярлыков направлена на представление статуса как временного состояния, а не неотъемлемой идентичности: *the poor – people living in poverty / low-income individuals ; homeless people – people experiencing homelessness*). В уголовно-правовой сфере наблюдается смещение фокуса с преступления на человека и его реинтеграцию: *ex-convict – formerly incarcerated person / returning citizen*. Исторический нарратив пересматривается через грамматическую конструкцию, представляющую рабство как навязанное состояние: *slave – enslaved person*.

Международные отношения и геополитика. Ключевой тенденцией является отказ от колониальной и евроцентричной риторики в пользу нейтральных или самоопределяемых терминов. Иерархический ярлык *Third World* заменяется на экономически точный *low- and middle-income countries (LMICs)* или геополитический *the Global South*. Евроцентричный топоним *the Middle East* в академическом дискурсе уступает место точному географическому дескриптору *Southwest Asia and North Africa (SWANA)*. В военном дискурсе происходит

замена обезличенных эвфемизмов на прямую лексику: технический термин *collateral damage* замещается на четкий *civilian casualties*. Название *Islamic terrorism* избегается в пользу *terrorism inspired by extremist ideology*, чтобы не стигматизировать религиозную общность.

Корпоративная и профессиональная коммуникация. В этой сфере политкорректность часто служит инструментом смягчения негативных сообщений и повышения воспринимаемого статуса. Увольнения описываются через безличные или пассивные конструкции.

Низкостатусные профессии получают «возвышающие» наименования через технический жаргон (*janitor – sanitation engineer*). В то же время наблюдается и манипулятивное использование профессионального жаргона для маскировки негативных действий, например, замена *bribe* на *facilitation payment*, что представляет собой негативный аспект корпоративной эвфемизации.

Психическое здоровье и нейроразнообразие. Данная область характеризуется комплексной дестигматизацией и реконцептуализацией. Помимо уже упомянутого отказа от патологизирующего языка (*suffers from*), наблюдается активный переход к парадигме нейроразнообразия (*neurodiversity*), которая рассматривает спектр ментальных и неврологических особенностей (аутизм, СДВГ) как естественные вариации человеческого мозга, а не исключительно как нарушения. Термины *neurodivergent person* и *person on the autism spectrum* акцентируют уникальность нейрокогнитивного функционирования. Замена стигматизирующих ярлыков *addict* или *junkie* на клинически точный термин *person with a substance use disorder* служит примером медиализации с гуманизирующим уклоном, перенося проблему из моральной плоскости в сферу здоровья.

Образование и развитие человеческого потенциала. Здесь доминирует стратегия рефрейминга, ориентированная на потенциал и поддержку, а не на дефицит или элитарность. Традиционный термин для программ для одаренных детей *Gifted and Talented* заменяется на *Advanced learning program* или *program for high-achieving students*, что смещает акцент с врожденного «дара» на развиваемые достижения, повышая воспринимаемую доступность программ. Категория *Special needs education* постепенно уступает место формулировкам *Additional support needs* или *diverse learning needs*, что подчеркивает вариативность требований к обучению и необходимость создания инклюзивной среды, а не выделения «особой» группы.

Семья и личные отношения. Политкорректность в этой сфере направлена на признание легитимности разнообразных семейных структур и родительских ролей. При обсуждении усыновления и репродуктивных технологий происходит переход от биологически детерминированного *biological mother/father* к более нейтральному *birth mother/father*. Для обеспечения инклюзивности трансгендерных и небинарных людей, способных к деторождению, в офи-

циальных документах и публичном дискурсе используется функциональный, гендерно-нейтральный термин *birthing parent* вместо *mother*. Это представляет собой сдвиг от гендерно-бинарной роли к описанию конкретной физиологической или социальной функции.

Военный и конфликтный дискурс. Помимо отказа от эвфемизмов, в этой области развивается стратегия «контр-называния» (*counter-naming*), оспаривающая официальную нарративную рамку. Термин *militant* или *insurgent* может использоваться вместо *terrorist* в зависимости от контекста и редакционной позиции, что изменяет восприятие легитимности действий. Описание военных операций смещается с героического или технического языка (*surgical strike*) на язык, подчеркивающий гуманитарные последствия (*airstrike that resulted in civilian infrastructure damage*).

Религия и культурные практики. Акцент делается на точности и избегании упрощенных, экзотизирующих или уничижительных ярлыков. Вместо обобщающего и зачастую стигматизирующего *cult* для обозначения новых религиозных движений в академической и качественной журналистике предпочитают использовать нейтральный термин *new religious movement*. При описании культурных или религиозных практик (например, ношения хиджаба) смещается фокус с внешней атрибутики на личный выбор и значение (*a woman who wears the hijab* вместо просто *a veiled woman*), что подчеркивает агентность индивида.

Возраст и этапы жизни. Происходит отказ от возрастных стереотипов и инфантилизирующей лексики. Вместо обобщающего и потенциально патерналистского *the elderly* или *senior citizens* все чаще используется нейтральный и уважительный дескриптор *older adults*. Термин *senility* заменяется на клинически точные *dementia* или *cognitive impairment*. В отношении молодежи, вовлеченной в правосудие, избегают термина *juvenile delinquent* в пользу *young person in conflict with the law*, что семантически отделяет человека от совершенного деяния.

Внешность и физические характеристики. Норма предписывает крайнюю осторожность в комментариях, не имеющих информационной ценности, и отказ от оценочной лексики. Описания внешности в новостных статьях, не связанных напрямую с темой, становятся редкостью. Если упоминание необходимо, используются нейтральные дескрипторы (*a person with red hair*) вместо субъективно-оценочных (*a stunning redhead*). Ярлыки, основанные на внешности (*fat, ugly*), считаются абсолютно некорректными и замещаются либо нейтральными терминами (*plus-sized* в контексте моды), либо, что чаще, опускаются как нерелевантные.

Экология и изменение климата. Политкорректность здесь пересекается с эколингвистикой, продвигая язык, который подчеркивает ответственность и избегает антропоцентризма. Вместо пассивных или отстраненных формулировок (*climate change is happening*) используется язык агентности и чрез-

вычайной ситуации (*climate crisis, climate emergency*). Термин *climate refugees* является спорным, и организации (ООН и др.) могут рекомендовать более точные с юридической точки зрения описания: *people displaced by climate-related disasters*.

Спорт и физическая активность. Стратегии направлены на инклюзивность и гендерное равенство. Активно развивается категория *women's sports* (в противовес неявно мужской норме *sports*). Для спортсменов-трансгендеров разрабатывается специальный терминологический протокол. Термин *disabled sports* замещается на *Paralympic sports* или *adaptive sports*, что акцентирует высокие athletic достижения, а не инвалидность.

Искусство и культурное наследие. Дискурс сосредоточен на проблемах присвоения, репрезентации и деколонизации. Используются такие термины, как *cultural appropriation* (в негативном ключе) vs. *cultural appreciation* или *cultural exchange*. В описании музейных экспонатов, добытых в колониальную эпоху, вместо *acquired* может использоваться *looted* или *taken*, в зависимости от позиции издания. Активно обсуждается язык описания искусства коренных народов, уходящий от примитивизирующих ярлыков.

Наука и исследования. Нормы ПК проникают в академический дискурс, затрагивая этику описания участников исследований и исторических фигур. Вместо использования пассивных или обобщающих терминов вроде *subjects* или *samples* в отношении людей все чаще применяется *participants, respondents* или *co-researchers* (в партисипаторных исследованиях). В исторической науке наблюдается тенденция к использованию местоимений, соответствующих гендерной идентичности исторических личностей, даже если это противоречит записям их эпохи.

Цифровые технологии и онлайн-пространство. Это динамично развивающаяся область, где нормы только формируются. Ключевые темы — кибербуллинг, доступность (*accessibility*) и инклюзивный дизайн. Термины *blind user* (в контексте IT) замещаются на *screen reader user*. Развивается язык для описания онлайн-агрессии, избегающий виктимблейминга. Вводятся термины для описания цифрового разрыва (*digital divide*) и необходимости создания инклюзивных интерфейсов (*inclusive design*).

Таким образом, выделение 19 тематических разделов демонстрирует, что вербальная политкорректность не является единичным явлением, а представляет собой всепроникающую систему лингвистического регулирования, затрагивающую практически все сферы публичной коммуникации. В каждой из этих областей работают как универсальные стратегии, так и специфические тактики, адаптированные к конкретным социальным, историческим и культурным контекстам. Эта системность подтверждает тезис о политкорректности как о мощном инструменте конструирования современной социальной реальности через язык.

Литература

1. Василенко, Е. Н. English. Developing Speaking and Writing Skills. Ч. 2. / Е. Н. Василенко, Е. Е. Иванов, А. Н. Шестернёва. – Минск : РИВШ, 2023. – 216 с.
2. Голякевич, Н. Д. Practical English Grammar: Morphology / Н. Д. Голякевич, С. П. Зубрий, Е. Е. Иванов. – Минск : РИВШ, 2019. – 268 с.